

А.Н. ОЛЕЙНИК

Массовые протесты в контексте русской власти*

Массовые протесты конца 2011–начала 2012 г. рассматриваются в качестве реакции на превалирование в России особой модели властных отношений, русской власти. Обсуждаются варианты, при которых массовые протесты могут стать первым шагом к переходу от равновесия русской власти к равновесию демократической власти: реформа органов муниципального и регионального управления и реформа университетской жизни.

Ключевые слова: российская власть, массовые протесты, приспособляемость власти.

Mass protests of the end of 2011–the start of 2012 in Russia are interpreted as a reaction to the prevalence of a particular model of power relationships, Russian power. The paper also discusses several strategies that would allow moving from the equilibrium of Russian power to a democratic equilibrium, namely reform of municipal and regional authorities and reform of academia.

Keywords: russian power, mass protests, power adoptability.

Массовые протесты в ряде крупных городов России конца 2011–начала 2012 гг. дали импульс целому ряду вопросов, далеко выходящих за рамки оспаривания конкретных итогов парламентских и президентских выборов. Некоторые публицисты в этой связи стали говорить о “разрыве матрицы”, понимая под этим разрушение основ российской институциональной матрицы (“X-матрицы”, если использовать термин С. Кирдиной [Кирдина, 2001]) и выход за рамки существующей колеи исторического развития (*path dependence*) России.

Опыт аналогичных по массовости протестов в ряде других постсоветских стран (прежде всего, это касается Грузии, Украины и Киргизии), да и новейшая история собственно России (период конца 1980–начала 1990-х гг.), требует, однако, осторожности в оценках. Даже когда массовые протесты приводят к смене персоналий в политической элите, нет гарантий, что новые лица используют полученную на волне протестов власть на общее благо, а не в своих индивидуальных и узкогрупповых интересах. Данная статья представляет собой попытку осмысления массовых протестов с точки зрения основных элементов модели властных отношений, превалирующих в российском институциональном контексте. Вслед за Ю. Пивоваровым и В. Макаренко эту модель можно назвать “русской властью”, делая акцент не на национальности ее обладателей, а на укорененности данной модели в российской институциональной среде [Макаренко, 1998; Пивоваров, 2006; Олейник 2011^а]. В частности, предлагается интерпретировать массовые протесты как выражение их участниками несогласия с рядом конституирующих принципов русской власти. Я также попытаюсь ответить

* В основу статьи положен доклад, представленный на Российско-украинской конференции “Русская власть и бюрократическое государство” (26–28 марта 2012 г., Ростов-на-Дону).

Олейник Антон Николаевич – кандидат экономических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, Associate professor Университета “Мемориал” (Канада).

на вопрос, при каких условиях массовые протесты могли бы привести не к простой ротации властвующих элит, а к преодолению отчуждения граждан от представителей государства посредством перехода от русской власти к иной конфигурации властных отношений.

Протест против русской власти

Массовые протесты конца 2011–начала 2012 гг. отличаются следующие характеристики. Во-первых, их непосредственным поводом стали сомнения в прозрачности и достоверности процедуры подсчета голосов на выборах. В этом смысле можно провести параллель с массовыми протестами в целом ряде других постсоветских стран: Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь 2004 г.), Киргизии (март 2005 г.), Монголии (август 2008 г.) и Молдавии (апрель 2009 г.). Во всех этих случаях массовой мобилизации граждан предшествовали выборы. Во-вторых, в митингах участвовали представители самых разных слоев населения и частей политического спектра – либералы, коммунисты, националисты и анархисты. Вот, например, распределение по возрасту участников одного из наиболее массовых митингов – 24 декабря 2011 г. на проспекте академика Сахарова в Москве, в котором, по разным данным, участвовали от 40 до 100 тыс. человек (см. рис.; данные Левада-Центра¹). Видно, что несмотря на “конфликты поколений”, все возрастные группы равномерно представлены среди участников митинга – и молодежь, и люди среднего возраста, и старшие поколения.

Что объединило людей, которые в обычной ситуации имеют различные, если не сказать – прямо противоположные интересы? Общая макроэкономическая ситуация оказывает влияние на всех граждан, вне зависимости от их возраста или уровня дохода. Однако сравнение основных макроэкономических параметров в странах, где в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты (см. табл. 1), указывает, что в число протестующих попали как бедные, так и относительно богатые (если судить по показателю величины ВВП на душу населения). Экономический кризис также не является условием массовой мобилизации: во всех случаях наблюдался рост ВВП, от умеренного до высокого, выражающегося двузначными цифрами. Другие показатели социально-экономического развития – Индекс развития человеческого потенциала (при его расчете наряду с материальным благосостоянием учитывается средняя продолжительность жизни и уровень образования населения), Индекс степени защищенности политических прав и свобод (американская неправительственная организация Freedom

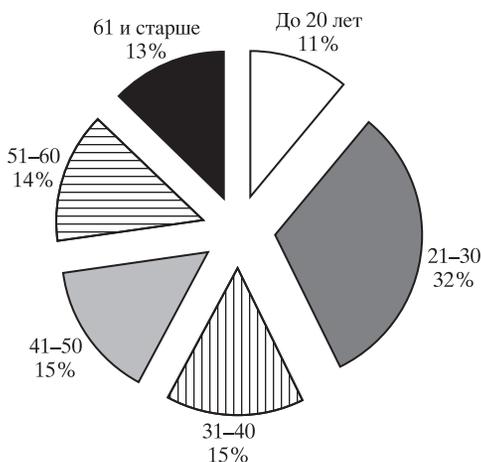

Рис. Распределение по возрасту участников митинга 24 декабря 2011 г. в Москве.

¹ Выражаю благодарность руководителю Левада-Центра Л. Гудкову и Д. Волкову за предоставление доступа к базе данных этого опроса. Далее также использованы данные этого опроса.

**Основные показатели социально-экономического развития стран,
в которых в последнее десятилетие наблюдались массовые протесты
(данные за год, предшествовавший массовым протестам)**

	Связь с выборами ⁽¹⁾	ВНП на душу населения ⁽²⁾	Темп роста ВВП, (%) ⁽³⁾	Human Development Index ⁽⁴⁾	Freedom House ⁽⁵⁾	Failed States Index ⁽⁶⁾	Transparency International ⁽⁷⁾
Грузия, ноябрь 2003	Да	651	5,5	0,679	4	Нет данных	1,8
Украина, ноябрь 2004	Да	1028	9,4	0,681	3,5	Нет данных	2,2
Кыргызстан, март 2005	Да	369	7	0,571	5,5	80,4	2,2
Монголия, август 2008	Да	1620	10,2	0,605	2	58,5	3,0
Молдова, апрель 2009	Да	1695	7,8	0,620	4	85,7	2,9
Иран, июнь 2009	Да	4537	2,3	0,691	6	85,7	2,3
Кыргызстан, апрель 2010	Нет	881	3,1	0,594	5,5	89,1	1,9
Тунис, декабрь 2010	Нет	4171	3,1	0,677	6	67,5	4,3
Алжир, декабрь 2010	Нет	3926	2,1	0,671	5,5	81,3	2,9
Египет, январь 2011	Нет	2456	4,6	0,614	5,5	87,6	3,1
Йемен, январь 2011	Нет	1118	8	0,439	5,5	100	2,2
Ливия, февраль 2011	Нет	11 314	4,2	0,755	7	69,1	2,2
Сирия, март 2011	Нет	2877	3,2	0,589	6,5	88,1	2,5
Россия, ноябрь 2011	Да	10 437	3,95	0,719	5,5	79	2,1

Источники: (1) по информации СМИ; (2–3) World Bank (величина в долл. США), <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>; (4) United Nations Development Program (максимальное значение Индекса равно 1, <http://hdr.undp.org/en/statistics>); (5) Freedom House (указано среднее значение Индексов политических прав и гражданских свобод, по 7-балльной шкале, <http://www.freedomhouse.org/images/File/fiw/historical/FIWAIScoresCountries1973-2011.xls>); (6) Foreign Policy & The Fund for Peace (Индекс может принимать значения от 0 до 130, http://foreignpolicy.com/files/fp_uploaded_documents/100629_FSI%20Scores2010Clean.pdf); (7) Transparency International (Индекс может принимать значения от 1 до 10, где 10 означает полное отсутствие коррупции, http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi).

House дает ежегодную оценку состояния формальных институтов демократии во всех странах мира) и даже Индекс состоятельности государства (журнал Foreign Policy оценивает вероятность возникновения конфликтов и чрезвычайных ситуаций, а также готовность государства к управлению ими) – тоже не вносят ясности в вопрос об условиях, необходимых для массовой мобилизации.

Единственным индикатором, значения которого во всех затронутых массовыми протестами странах находятся приблизительно в одном и том же интервале (от 1,8 до 4,3), оказывается уровень восприятия коррупции. Даже верхняя граница данного интервала (4,3) соответствует уровню коррупции выше среднего по выборке международной неправительственной организации Transparency International. Коррупция обычно понимается как использование государственной должности в личных или узкогрупповых интересах. Высокий уровень коррупции означает, что представители государства ориентируются не на максимизацию общего блага, а на оппортунистическую реализацию собственных интересов. Россия не стала исключением из этого правила.

Коррупция соответствует конституирующим принципам русской власти. К их числу можно отнести самообоснованный характер власти (в отличие от авторитета как власти, обосновываемой ссылкой на высшие принципы – закон, традицию и т.д.),

власть как самоцель (в отличие от власти как инструмента достижения иных целей), крайнюю асимметричность в распределении прав и обязанностей между обладателем власти и подчиненным лицом, отсутствие обратных связей между ними (все инициативы и указания исходят только от обладателя власти) и использование обладателем власти преимущественно насильственных техник навязывания воли [Олейник, 2011^a, гл. 3]. Как верно заметил известный юрист А. Яковлев, “взятку дает тот, кто находится в подчиненной позиции и вследствие этого пытается уменьшить асимметрию в своих отношениях с лицом, обладающим большими полномочиями” [Яковлев, 1988, с. 150].

Рассмотрение массовых протестов в контексте русской власти помогает лучше понять и их связь с выборами. Выборы представляют собой механизм обратной связи между членами властвующей элиты и обычными гражданами. По этой причине выборы подрывают один из устоев русской власти, а именно – отсутствие у подчиненного лица средств влияния на действия последнего. При сохранении неизменными конституирующих принципов русской власти выборы неизбежно становятся поводом для манипулирования (о выборах как одной из насильственных техник навязывания воли подробнее см. в [Wilson, 2005]), а сам процесс подсчета голосов остается непрозрачным и подверженным фальсификациям. При манипулировании «субъект осуществляет скрытый контроль над объектом в процессе коммуникации, делая объекту замаскированные “предложения” путем селектирования поступающей объекту информации, например, утаивая важную информацию, недоступную объекту из других источников. Этот вид манипуляции проявляется в рекламной деятельности и многих формах политической пропаганды» [Ледяев, 2001, с. 292]. Протестуя против фальсификаций в ходе выборов, граждане тем самым пытаются подорвать одну из основ русской власти.

Результаты опроса участников митинга на проспекте Сахарова в Москве (см. табл. 2) подтверждают, что главным объединяющим фактором там стало именно несогласие с отсутствием обратных связей в отношениях между властью и обществом – как собственно в период выборов (вариант ответа “Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов”), так и между ними (вариант ответа “Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я”). Иными словами, отнюдь не экономические (две трети манифестантов относят себя к тем, кто не испытывают особых материальных затруднений при покупке дорогих вещей – холодильника, машины и т.д.) или политические (лишь 15% пришли на митинг из солидарности с позицией конкретной партии) факторы сделали возможным объединение представителей разных социальных и возрастных групп. Массовость протестов можно объяснить спецификой русской власти, ведь в повседневной жизни с ней сталкиваются и студент (поступая в вуз, сдавая экзамены и будучи призванным в армию), и предприниматель (оплачивая “входной билет” на рынок или осознавая “условный” характер своей собственности), и пенсионер (имея дело с органами социального обеспечения).

Таблица 2

Причины участия в митинге 24 декабря 2011 г. в Москве
(% упомянувших)

Накопившееся недовольство положением дел в стране / политикой властей	72,6
Стремление выразить свое возмущение фальсификацией выборов	72,3
Недовольство тем, что власть не считается с такими людьми, как я / основные решения в стране принимаются без нашего участия	51,6
Разочарование в обещанной политике модернизации / в Д. Медведеве	41,6
Солидарность с позицией партий, участвующих в митинге	15,2
Симпатии организаторам митинга	13,1
На митинг пошли мои знакомые, друзья – и я с ними	9,5
Митинги – это интересно, это – тренд времени	5,9
Другое	2,7
Затрудняюсь ответить	0,6

Стоит еще раз уточнить использование прилагательного “русский” при описании той модели власти, против которой направлены протесты. С одной стороны, отсутствие обратной связи в отношениях между обладателем власти и подчиненным не специфично для России и для постсоветских стран (которые до получения независимости в начале 1990-х гг. долгое время входили в состав российской и советской империй). Участники революций в арабских странах точно так же протестуют против своей односторонней зависимости от власти, отсутствия механизмов обратной связи и т.д. Иными словами, модель властных отношений, названная ранее русской властью, превалирует и в целом ряде других стран. С другой стороны, ситуация в России наиболее близка к идеальному типу такой власти, что объясняет добавление прилагательного “русский” при ее описании. По М. Веберу, идеальный тип “не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено” [Weber, 1949, p. 90]. Российская институциональная среда представляется особенно благодатной с точки зрения выработки и эмпирической проверки аналитических средств, позволяющих описать лежащую в основе массовых протестов последнего десятилетия модель властных отношений.

Известен и ряд других, менее привязанных к определенной стране, терминов для описания такой модели властных отношений. Например, в теории внелегальности Э. де Сото [Сото де, 1995] акцент делается на институциональном исключении, или отчуждении, под которым понимается неспособность граждан использовать закон для организации своей повседневной деятельности ввиду высоких затрат, связанных с исполнением его требований и непониманием собственно закона ввиду его полного отрыва от повседневных практик. Институциональное исключение или отчуждение характерно и для русской власти – в той мере, в какой она предполагает крайнюю асимметричность властных отношений, их самообоснованный характер, а также отсутствие обратных связей.

Теория конгруэнтности власти

Русская власть обычно ассоциируется с макроуровнем: ее наиболее законченное воплощение – бюрократическое централизованное государство. Однако власть как один из наиболее универсальных механизмов координации человеческой деятельности структурирует отношения не только на макро-, но и на мезо- (внутри крупных организаций: политических партий, университетов, корпораций) и микро- (внутри семьи, дружеского круга) уровнях. Вебер определяет власть как способность одного субъекта навязать свою волю другому субъекту вопреки возможному сопротивлению последнего и вне зависимости от контекста их взаимодействия, будь то политика или отношения внутри домашнего хозяйства [Weber, 1968, p. 53].

Вопрос о соотношении моделей власти, превалирующих на макро-, мезо- и микроуровнях, обычно остается вне фокуса внимания исследователя. Он изучает либо отношения власти в сфере политики (объект исследования политической науки), либо отношения власти внутри организации (объект исследования наук об управлении) и малых групп (объект исследования социальной психологии). Даже критическая социология М. Фуко и П. Бурдьё, признавая повсеместный характер властных отношений, специально не изучает их соотношение на макро-, мезо- и микроуровнях.

Среди немногих исключений можно отметить работы Р. Даля и Г. Экстейна. Первый – сторонник достаточно радикального подхода: полноценная демократия возможна лишь при реализации демократических принципов на всех уровнях социальной организации, начиная с государства и заканчивая семьей. На сегодняшний день ни одно общество не соответствует этому идеалу: “...во всех демократических странах некоторые организации эксплицитным образом и совершенно легально управляются недемократически, к примеру коммерческие фирмы” [Dahl, 1990, p. 1].

Экстейн предлагает более прагматический подход, допуская невозможность воплощения демократической модели властных отношений на всех уровнях социальной организации, включая семью и школу (где, по его мнению, элементы недемократической власти просто неизбежны). Его теория конгруэнтности власти строится на основе следующих допущений [Eckstein...1998]. Во-первых, стабильность правительства зависит от степени конгруэнтности лежащей в основе его функционирования модели власти с превалирующими в других сферах моделями власти (внутри политических партий, университетов, корпораций, домашних хозяйств). Конгруэнтность понимается как подобие или сходство (как могут быть подобными, например, геометрические фигуры). Иными словами, стабильное правительство действует на основаниях, подобных тем, что и политические партии или корпорации в данной стране.

Во-вторых, демократическое правительство может быть стабильно только при наличии в процессах его функционирования элементов недемократических властных отношений. Это происходит как раз потому, что некоторые организации (например, школа, семья), по Экстейну, ни при каких условиях не могут воплощать модель полной демократии. Иначе говоря, стабильное демократическое правительство должно быть “сбалансированно неоднородным”. При этом, чем меньше контактов в повседневном функционировании конкретной организации с правительством, тем меньше потребность в обеспечении конгруэнтности воплощенных в ней моделей властных отношений. Так, наиболее близки к демократическому правительству политические партии, а значит, и степень конгруэнтности в этом случае должна быть особенно велика. А вот контакты правительства и семьи наименее интенсивны, поэтому семья может быть менее демократической, а правительство – ограничиться воплощением лишь незначительных элементов недемократической власти.

Данный подход предполагает более реалистичные требования к организации власти, чем тот, что предлагается Далем. Теория конгруэнтности Экстейна также позволяет объяснить устойчивость равновесия русской власти как особого случая недемократической власти. Власть на макроуровне в российском случае вполне соответствует тем моделям, что превалируют на мезо- и микроуровнях. Скажем, факт воспроизводства ряда ключевых элементов русской власти в управлении российскими вузами достаточно хорошо задокументирован. “Управление в российских вузах в основном иерархическое” – следует из результатов проведенного в 2006 г. опроса представителей 480 российских вузов [Панова, 2007, с. 105]. Отсюда так называемый “эффект колеи”: устойчивость равновесия русской власти исключает возможность ее радикальных изменений. Альтернативные модели властных отношений при таких условиях могут быть привнесены только извне, а при их неконгруэнтности с какими-либо моделями власти внутри страны шансы “трансплантантов” на выживание минимальны. Успех “стратегии трансплантирования демократических институтов, которые могут вполне успешно функционировать в иных условиях, в страны без демократических традиций зависит от наличествующих в этих странах образцов власти” [Eckstein... 1998, p. 153].

Однако теория конгруэнтности Экстейна имеет ряд слабых мест. Как признают даже ее сторонники, данную теорию трудно подвергнуть эмпирической проверке, а значит и фальсифицировать. Принцип сбалансированной неоднородности (то есть наличие недемократических элементов в демократическом правительстве) не поддается количественному выражению: насколько недемократическим должно быть демократическое правительство, чтобы система власти оставалась устойчивой? Наконец, как именно можно осуществить переход от равновесия русской власти к демократическому равновесию? Ведь без внесения ясности в этот вопрос пар массовых протестов “уйдет в свисток”.

Варианты перехода от равновесия русской власти к новому равновесию

Представляется, что для достижения своей основной цели – отхода от равновесия русской власти – массовые протесты могут быть ориентированы на решение, как минимум, двух практических задач. Обе касаются подготовки новой властвующей

элиты – внутри страны, но при этом расположенной к восприятию и реализации принципов властных отношений иных, чем те, что отражены в русской власти.

Первая задача заключается в демократизации муниципального и регионального управления. При выполнении этого условия появляется переходное звено, воплощающее в себе иные, чем заложенные в русской власти, принципы. Политики, прошедшие школу муниципального и регионального управления на мезоуровне, могут затем переносить этот опыт при переходе в центральное правительство. Таким образом, обеспечивается привнесение на макроуровень – при сохранении сбалансированной однородности – новых принципов власти. “История успеха” демократии в Норвегии во многом объясняется приобретением большинством политиков этой страны опыта демократического управления на муниципальном и региональном уровне до получения ими постов в центральном правительстве [Eckstein, 1966]. Демократию на локальном уровне обеспечить всегда легче, а в российском случае представители властвующей элиты на федеральном уровне вполне могут позволить локальной демократии развиваться в качестве одной из возможных уступок митингующим.

Вторая задача касается функционирования высшей школы, и прежде всего университетов, готовящих представителей властвующей элиты завтрашнего дня (МГУ, МГИМО, СПбГУ, НИУ-ВШЭ). Опыт студенческой жизни – важный элемент вторичной социализации. От того, с какой моделью власти студент сталкивается внутри университета, зависит и его восприятие власти после завершения образования. Как отмечалось выше, большинство российских вузов управляются с использованием далеких от демократических принципов, и ведущие университеты здесь – не исключение [Олейник, 2011⁶]. Иначе говоря, в качестве следующего шага участники массовых протестов могут сконцентрироваться на проблемах реформирования и демократизации университетской жизни, избавления ее от элементов русской власти. Задача эта вполне реальная, а ее решение вряд ли будет восприниматься представителями нынешней властвующей элиты как источник непосредственной угрозы. Зато в среднесрочном плане появляется шанс подготовить новое поколение политиков, не нарушая при этом принципа сбалансированной однородности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
- Макаренко В.П.* Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России “нулевых” годов. М., 2011^а.
- Олейник А.Н.* Underperformance в теории и университетской практике // Социология науки и технологий. 2011^б. № 3.
- Панова А.* О структуре управления и принятии решений в российских вузах // Вопросы экономики. 2007. № 6.
- Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006.
- Сото Э. де.* Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. М., 1995.
- Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988.
- Dahl R.A.* After the Revolution? Authority in a Good Society. New Haven–London, 1990.
- Eckstein H., Fleron F.J., Hoffmann E.P., Reisinger W.M., Ahl R., Bova R., Roeder P.G.* Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Exploration in State-Society Relations. Lanham (Mass), 1998.
- Eckstein H.* Division and Cohesion in Democracy: a Study of Norway. Princeton, 1966.
- Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology. New York, 1968.
- Weber M.* ‘Objectivity’ in Social Science and Social Policy // *Weber M.* The Methodology of the Social Sciences. Glencoe, 1949.
- Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven–London, 2005.